

М.С. Круглова

к.и.н., доцент, старший научный сотрудник, Институт экономики РАН (Москва)

КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ ГОСУДАРСТВА РАЗВИТИЯ: ОБЗОР ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ¹

Аннотация. В статье анализируется дискуссия о китайской модели государства развития. Долгое время концепция государства развития была удобной теоретической рамкой для объяснения экономических успехов стран Восточной Азии. Считалось, что грамотное вмешательство государства в экономику позволило Японии и Южной Корее совершить своё «экономическое чудо». Быстрый экономический рост КНР начался позже, но для объяснения его достижений также стала применяться данная концепция. Однако в академическом и политическом дискурсе до сих пор нет консенсуса в отношении китайской модели. Западные исследователи считают, что китайская модель не отличима от корейской или японской, а некоторые отличия от усреднённой модели присутствуют в экономической политике каждой из этих стран. Учитывая специфику исторического развития, очевидно, что Китай значительно отличается от других классических примеров восточноазиатских государств. Высказываются предположения, что Китай вышел за пределы концепции государства развития и перешёл на этап «пост-развития» или нео-развития. Китайские ученые, делая упор на то, что основных экономических результатов в КНР достигали именно местные правительства, а не центральное, в свою очередь настаивают на «особости» и отличиях китайских реформ. В работах китайских авторов встречаются концепции «местное правительство развития» и «локализм развития». Однако и в китайской научной среде нет консенсуса по отличительным чертам китайской модели. Часто выражаются сомнения и в объяснительной силе всей концепции не только по отношению к Китаю, но и к другим странам.

Ключевые слова: *государство развития, китайская модель развития, реформы, политика развития.*

JEL: O20, P21

УДК: 330.8

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_215_224

© М.С. Круглова, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Круглова М.С.* Китайская модель государства развития: обзор исследовательской литературы // Вопросы теоретической экономики. 2024. №4. С. 215–224. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_215_224.

FOR CITATION: *Kruglova M.S.* Chinese Model of Developmental State: A Literature Review // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 4. Pp. 215–224. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_215_224.

¹ Автор использует собственный вариант понятия «теории государства развития» вместо привычного, хотя и несколько неудачного англицизма «девелопментализм». В своё время это направление экономической теории, охватывающего целый ряд концепций догоняющего развития, представлялось весьма многообещающим: уже в 1950–1960-е гг. среди экономического мейнстрима сложился консенсус, что простой перенос рецептов микро- и макроэкономики в «развивающиеся страны» может привести к негативным результатам. Обзор различных концептов девелопментализма представлен в работе Нуреев Р.М. Экономика развития: Модели становления рыночной экономики. — М.: Норма, 2008. — Прим. ред.

Введение

Идея «государства развития» (Developmental State) долгое время считалась одной из влиятельных концепций, подходящей для описания опыта экономических реформ в странах Восточной Азии [Evans, Heller, 2013]. Понятие государство развития было предложено Ч. Джонсоном, исследовавшим опыт экономического чуда послевоенной Японии [Johnson, 1982] и широко использовалось впоследствии при исследовании стран Восточной Азии [Amsden, 1989, White, 1984; Wade, 1990; Evans, 2014; Yu, 2008, Kasahara, 2013; Wan, 2014].

Вопрос применимости концепции государства развития к анализу китайских реформ не имеет однозначного решения в исследовательской литературе. Часть исследователей полагает, что, хотя различия между Китаем и восточноазиатскими государствами развития существуют, их недостаточно¹, чтобы выделить китайский кейс в отдельную модель. Однако есть те, кто стоит на противоположных позициях [Fewsmith, 2011]. С некоторыми оговорками они сравнивают Китай сегодня с Японией в послевоенный период её развития и вплоть до 1980-х гг. и Южной Кореей после 1990-х годов [Knight, 2014; Kalinowski, 2015; Baek, 2005]. Другие полагают, что большие различия между Китаем и другими государствами означают, что классическая модель государства развития ныне неприменима как к Китаю, так и к другим странам с развивающейся экономикой [Hofstede, Bond, 1988; Trubek, 2008; Evans 2013, 2014; Diegues et al, 2023]. Российских исследований китайской модели развития значительно меньше, а их авторы высказываются менее определённо [Бергер, 2009; Григорьев, Жаронкина, 2024].

Цель данной статьи — охарактеризовать основные существующие исследовательские позиции по применению модели государства развития к изучению опыта китайских реформ последних десятилетий. Актуальность этого вопроса определяется прежде всего необходимостью найти место опыту китайских экономических реформ в существующей экономической теории, потребностью описать китайский путь модернизации без существующих в литературе оговорок.

«Государство развития» по Ч. Джонсону

Следуя авторской позиции Ч. Джонсона, государства развития характеризуются высоким профессиональным уровнем бюрократии, высокой степенью национального самосознания, сочетанием рыночных механизмов и государственного планирования [Johnson, 1982]. Согласно выдвинутой Джонсоном теории государства развития, историческая и культурная специфика Восточной Азии выражается в высокой степени автономии, открывая путь для технократической бюрократической элиты, обладающей способностью и готовностью вмешиваться в экономику, поддерживая экономическое развитие путём предоставления отраслевых субсидий и различных форм поддержки. Целый ряд исследователей стремился показать релевантность понятия на примере стран Восточной Азии. Сам Джонсон приписывал успех Японии промышленному плану японского Министерства международной торговли и промышленности и тесным связям между политикой и торговлей. В его понимании ключевые факторы успеха модели государства развития — наличие сильной политической воли, приоритет экономического развития, использование руководством страны различных формальных и неформальных механизмов политического и делового сотрудничества [Johnson, 1982]. Релевантность теории стремились показать и на примере других восточноазиатских стран: Южной Кореи [Amsden, 1989] и Тайваня [Wade, 1990].

¹ 许瑶 [Xu Yao]. 发展型国家的理论渊源与基本内容 [The theoretical origin and basic content of the developmental state]. URL: <https://xianxiao.ssap.com.cn/catalog/2284540.html> (access date: 27.08.2024).

В последующих работах Джонсон конкретизировал своё понимание государства развития. Во-первых, в стране должен быть достигнут консенсус относительно выбранной модели развития. Все стейкхолдеры должны иметь соответствующие мотивации к развитию в принятом направлении. Этот консенсус должен быть сформирован не только внутри группы лидеров, но и среди всего общества. Вовлечение общества, помимо прочего, делает возможным значительное снижение затрат правительства на реализацию экономической политики и поддержание стабильности в социально-экономической системе. Джонсон предложил четыре ключевых элемента государства развития, взятых им из опыта изучения японской модели: наличие бюрократии с развитыми управленческими навыками; политико-экономическая система с достаточным пространством для внедрения инноваций; действенные механизмы государственного вмешательства в экономику при условии примата законов рыночной экономики; наличие координационных центров, таких как Министерство промышленности и информационных технологий в пореформенной Японии [Johnson, 2010. P. 355].

По мысли Джонсона технократы, необходимые развивающемуся государству, отличаются от бюрократии в авторитарных режимах, которые часто привлекают иностранный капитал для получения прибыли и прибегают к репрессиям для защиты рентоориентированной системы управления экономикой. Напротив, в модели государства развития бюрократическая команда с высокими управленческими навыками является основой, обеспечивающей нормальное функционирование развивающейся экономики. Часть этой бюрократии может быть представлена инженерами и специалистами в новых технологиях, но большинство должно быть специалистами широкого профиля, которые формулируют и реализуют государственную политику [Johnson, 2010. P. 351]. В обязанности этой команды входит определение списка ключевых отраслей, формирующих производственную структуру национальной экономики. Кроме того, они осуществляют и промышленную политику, координируя развитие стратегически значимых отраслей [Johnson, 2010. P. 351]. Важное условие функционирования бюрократического аппарата в государстве развития — его свобода от вмешательства и влияния со стороны любой группы стейкхолдеров. Несмотря на необходимую высокую степень обособленности бюрократического аппарата, ключевой по Джонсону элемент японской модели — государственно-частное партнерство, позволяющее государству вмешиваться в экономические процессы, не нарушая при этом автономии рынка.

Подводя итог, теория государства развития не дискутирует необходимость предоставления рыночных свобод, а наиболее её значимое отличие от рыночного либерализма состоит в том, что она не отделяет экономические процессы, протекающие в пространстве рыночной экономики от национальной политики как таковой. В государстве развития власть и капитал тесно взаимодействуют друг с другом, а конечная формулировка цели развития зависит от политического выбора общества.

Дискуссия о китайской модели. Китай — исключение?

В своё время теория государства развития стала вызовом для неоклассической экономической теории, так как последняя взлёт экономик стран Восточной Азии объясняла действием рыночных факторов и включением так называемых азиатских тигров в систему международной торговли, теория же государства развития поставила вопрос иначе, заявив о ключевой роли государственного регулирования в росте стран Восточной Азии. Второй аналогичный вызов для неоклассики — опыт китайского экономического чуда, где государственное вмешательство в экономику и механизмы планового регулирования невозможно оспорить. Однако в какой степени современный Китай, выстраивающий рыночные инсти-

туты в реальности плановой экономики, и государство развития как аналитический конструкт соответствуют друг другу? Подчеркнём, что в рамках данной статьи мы не ставим целью дать свой исследовательский ответ на поставленный вопрос, но лишь стремимся привести обзор существующих позиций по проблеме.

Среди авторов существуют как те, кто настаивает на исключительности китайского опыта и неприменимости термина «государство развития» к нему, так и те, кто придерживается противоположных позиций. Так, Д. Найт полагает, что все страны можно назвать государствами развития, если выполняются два условия: во-первых, государство заявляет экономическое развитие своей основной целью, и во-вторых, государство стремится достичь этой цели посредством институциональных реформ. По мнению Найта, в первые тридцать лет существования КНР была сосредоточена на политической, а не экономической ситуации, и только после 1978 г. Китай сделал акцент на экономике, превратившись в государство развития [Knight, 2014]. Аналогичных позиций придерживаются и такие авторы как С.-В. Бэк [Baek, 2005], М. Бисон [Beeson, 2010], Т. Калиновски [Kalinowski, 2015]. Бэк рассматривает государственный контроль над финансовыми ресурсами и экспортно-ориентированную промышленную политику в Китае, делая вывод, что между Китаем и другими странами Восточной Азии нет существенной разницы, отмечая его сходство с Тайванем. Бисон считает, что китайские и японские экономические режимы регулирования имеют много общего и обоим подходит концепция государства развития. Фундаментальное сходство заключается в том, что в Китае и Японии правительственное вмешательство подвергается гораздо меньшей критике, чем в Великобритании и США. Тем не менее, Бисон признаёт, что институционально эти две страны различаются, что обуславливает различия как в механизмах регулирования, так и в результатах экономической политики [Beeson, 2010]. Схожих позиций придерживается и Караянис в соответствующей статье, где он с соавторами рассматривают Китай как случай реализации идеи государства развития. Китай сохранил большинство характеристик модели государства развития стран Восточной Азии, а не следовал англосаксонскому типу экономической либерализации. Китайский подход, следуя авторской позиции, представляет собой экономику с высокой степенью государственной интервенции в рыночные процессы, где правительство настаивает на неравномерности капиталистического развития, поощряет адекватную норму сбережения и поддерживает рост в отдельных стратегических секторах экономики. Стимулирование совокупного спроса, развитие инфраструктуры, стратегическая промышленная политика и регулируемая торговля являются основными характеристиками китайского подхода к экономическому развитию [Karagiannis, Cherikh, Elsner, 2020. Pp. 16–17; Караянис, Шерих, Эльснер, 2022].

Учёные расходятся в мнениях относительно того, применима ли эта модель к Китаю. Такие её сторонники, как Бек, полагают, что подход Китая имеет общие характеристики с ранней восточноазиатской моделью. Среди её особенностей — государственный контроль над финансами, прямая государственная поддержка государственных предприятий, импортозамещающая индустриализация тяжёлой промышленности, высокая зависимость от экспортных рынков, высокая внутренняя норма сбережений и т. д. [Baek, 2005. P. 485].

Однако есть и те авторы, кто полагает, что модель государства развития не соответствует задачам описания китайского опыта реформ. Например, отдельные авторы полагают, что правительство Китая систематически недофинансирует наиболее продуктивные сектора экономики, например, кредитный голод испытывают малый и средний бизнес в Китае, сфера услуг и другие сектора экономики. Отрасли, воспринимаемые китайским правительством не как системообразующие, нуждаются в неформальных источниках финансирования, что несовместимо с духом государства развития. Поэтому теория государства развития не может объяснить экономическое развитие Китая [Tsai, 2004. P. 1].

Джон Найт считает, что Китай не обязательно должен полностью соответствовать общепринятой практике других стран Восточной Азии, при этом китайский опыт соответ-

ствуует определению «страны развития» [Knight, 2014. P. 1335]. Чжан Хань занимает компромиссную позицию. Он признаёт, что многие политические практики Китая очень похожи на политику других стран Восточной Азии [Zhang, 2014].

Ещё одна версия теории государства развития предполагает, что сетевые отношения между государством и обществом способствуют развитию, что следует из наблюдений за местным экономическим развитием. Учёные считают, что местные органы власти проявляют большой энтузиазм в отношении развития и обладают большой политической гибкостью, формируя тесную интерактивную сеть с поселковыми и сельскими предприятиями [Zhang, 2007]. Часть оппонентов идеи государства развития в её применении к китайскому случаю указывают на то, что традиционная концепция государства развития предполагает централизацию экономической власти, тогда как в Китае экономический рост, особенно на ранних этапах реализации политики реформ и открытости, обеспечивался за счёт местных властей. Такие концепции, как «местное правительство развития» и «локализм развития» предлагаются для описания этого явления [Zhu, 2004. Pp. 424–447; Yu, 2012]. Обнаруживается, что политика местных органов власти в Китае в значительной степени соответствует определению государства развития [Stubbs, 2009; Bardhan, 2010. Pp. 247–248]. По словам Марка Бисона, Китай является «парадоксальным государством развития» [Beeson, 2009. P. 22]. Это обусловлено уникальными национальными условиями Китая, включая социалистический строй, сложными отношениями между центральными и местными органами власти и иными факторами.

Хотя теория основана на обобщении опыта развития стран Восточной Азии, Китай сюда не включается. Если копировать чужие образцы и с их помощью объяснять успех Китая, это приводит к идее «подрезать ноги, чтобы влезть в туфли». Некоторые учёные уже давно призывают рассматривать Китай с точки зрения государства, находящегося за пределами «теории развития» [Yu, Shi, 2008].

Позиция китайских исследователей

В китайской науке существуют отдельные интерпретации концепции государства развития. Юй Чжэньэнь характеризует государство развития как режим с устойчивым стремлением социально-политической системы к обеспечению экономического развития, высокой степенью социальной автономии бюрократии, тесным сотрудничеством между правительством и бизнесом, а также высокой степенью поддержки стратегических отраслей [Yu Zhenen, 2008].

Другой исследователь из Китая, профессор Школы экономики Чжуннаньского университета экономики и права Ян Хутао рассматривает государство развития в стадиях его эволюции. Государство развития — это страна без эффективного рыночного механизма и государственного управления в начале пути, страна, в которой отсутствуют зрелые социальные структуры, рыночные субъекты и гражданское общество. Реализуя национальный запрос на экономическое развитие, правительство мобилизует, организует, вдохновляет и руководит общественными и экономическими процессами и в итоге направляет спонтанную и движимую внутренними механизмами рыночную экономику в необходимом направлении. Режим может быть авторитарным или либеральным, но его конечная цель — сформировать экономику, в которой доминируют внутренние экономические стимулы и которая обладает внутренними движущими силами. Сильное правительство чрезвычайно важно для государства развития, поскольку оно является единственным ведущим экономическим субъектом. Встроенность правительства в экономику имеет решающее значение, однако правительство может только направлять экономические и социальные субъекты для достижения экономических и социальных целей, а не заменять их [Yang, 2018].

Китайскому научному дискурсу также не чужда дискуссия о возможности применения концепции государства развития к Китаю. Гэн Шу (Школа государственного управления Чжэцзянского университета) и Чэнь Вэй (Институт социальной работы и социальной политики Восточно-Китайского университета науки и технологий) использовали спор о китайской «индустриальной модели» как повод для обсуждения, как именно китайское правительство управляет и развивает промышленность. Они кратко анализируют сходства и различия между моделью «государства развития» Японии и Южной Кореи. Оба автора полагают, что опыт Китая в реализации политики реформ и открытости очень похож на модель государства развития Восточной Азии. И эта модель может помочь проанализировать и понять достижения «китайского чуда» [Geng, 2017].

Профессора Национальной школы развития Пекинского университета Линь Ифу и Чжан Вэйин, рассматривали промышленную политику в КНР через призму государственного вмешательства в экономику, отмечая, что Китай в значительной степени обусловил существующие результаты экономического развития и структурной трансформации экономики целенаправленным государственным вмешательством в экономику посредством жёсткого распределения финансирования в ключевые с точки зрения промышленного развития отрасли. Линь Ифу в своё время выступил своего рода апологетом того, что современный Китай — это государство развития, которое следует этой модели и поныне [Geng, 2017].

Актуальна ли модель «государства развития» для КНР?

Модель развития Китая после реформ и открытости в основном соответствует моделям вышеупомянутых развивающихся стран [Zhang, 2017. Pp. 86–87]. Она использует промышленную политику в качестве средства, а также опирается на общественные ресурсы для решения трудных задач, таких как институциональная трансформация, привлечение капитала, развитие инфраструктуры, промышленный рост — всего того, что лежит в основе так называемого «Китайского чуда» [Tang, 2022].

Многие учёные не согласны с этой точкой зрения. Среди них наиболее чёткую позицию занимает профессор Университета Джона Хопкинса в США и Гонконгского Университета науки и технологий Келли Цай. По её мнению, опыт Китая отличается от ряда стран Восточной Азии по трём причинам: фрагментированная система регулирования; непоследовательность промышленной политики; промышленное развитие, опирающееся на иностранный капитал [Tsai, 2004. P. 1]. Однако у Цай есть последовательные оппоненты. Так, Гэн Шу оппонирует ей по трём выделенным пунктам. «Фрагментированность системы регулирования» вызвана размерами Китая. Региональные различия в КНР колоссальны, и в этой ситуации нет иного выхода как делегировать полномочия правительства местным органам власти и поощрять последние адаптировать меры промышленной политики к местным условиям. По мысли исследователя, «местное правительство, ориентированное на развитие», является характеристикой государства развития китайского типа. Непоследовательность промышленной политики обусловливается геополитической турбулентностью. Если «азиатские тигры» изначально развивались в фарватере внешнеполитического взаимодействия с США, то Китай на всём своём недавнем пути развития находится в ситуации нестабильности существующей внешнеполитической обстановки, что характеризуется в том числе действующим санкционным давлением и сложными отношениями с США [Geng, 2017].

В вопросе взаимодействия местных и центральных властей как характерной черты китайской модели государства развития интересен китайский опыт создания системы положительной мотивации региональных чиновников. Поскольку местная бюрократия в Китае обладает значительной административной автономией, это позволило создать

в Китае метод управления с китайской спецификой, который сделал местную бюрократию главным творцом «государства развития» в Китае. Институциональной основой этой роли является своего рода карьерный турнир: борьба чиновников за экономический рост, где наградой является дальнейший карьерный рост. Однако, как показал опыт, сильный стимул сам по себе породил ряд негативных последствий: внутреннюю конкуренцию между провинциями за инвестиции, борьбу за показатели вопреки качественному развитию и перманентный внутривластьный конфликт, характерный становлением обособленных групп интересов во власти и бизнесе [Zhou, 2007. P. 48]. Последнее долгое время было в фокусе внимания общественных дискуссий вокруг коррупционности китайской системы государственного управления. Как писал профессор Университета науки и технологий Гонконга Дин Сюэлян, в Китае большинство людей может сказать, какие связи имеет каждая группа с особыми интересами, каждая из которых представляет собой сочетание политических и деловых ресурсов². Однако, как ни парадоксально, именно эти группы влияния сближали китайский опыт с другими странами модели «государства развития», обеспечивая связь между бюрократическими и бизнес-структурами, рождая своего рода китайскую модель «кланового капитализма»³.

Есть китайские исследователи, которые считают, что Китай уже отошёл от модели государства развития и движется к модели демократического социализма [Ruan, 2008. P. 20]. Этот путь кардинально отличается от модели любой страны Восточной Азии.

Заключение

Опыт экономического роста Китая в последние десятилетия уникален в исторической ретроспективе как с точки зрения достигнутых результатов и продолжительности периода экономического роста, так и с точки зрения модели экономических реформ, описание которой в рамках существующих неоклассических исследовательских схем, неизбежно неполно. Одной из попыток систематического рассмотрения китайского роста является использование модели государства развития — теоретического конструкта, выросшего на основе рассмотрения экономического роста ряда стран Восточной Азии, так называемых «азиатских тигров». В рамках данной статьи мы показали, что существующая исследовательская литература по теме не обладает консенсусом относительно применимости теории государства развития к китайскому опыту.

² 丁學良：〈利益集團綁架國家政策〉，FT中文網 [Дин Сюэлян: «Группы интересов похищают национальную политику». Китайская сеть] URL: www.ftchinese.com/story.php?storyid=001022530 (дата обращения: 25.08.2024).

³ История кланового или кумовского капитализма (crony capitalism) в Китае насчитывает не одно столетие. Отношения подобного рода принято назвать термином «гуаньси». Китайский термин, в русском языке понимаемый как «связи», «кумовство», «круговая порука», «блат» в оригинале не несёт в себе отрицательной окраски и обозначает помощь, поддержку, услугу. Эквивалентом этого эффекта в русском языке может служить термин «социальный капитал», который используется для описания отношений, которые могут привести к обмену услугами или «связям», выгодным для вовлечённых сторон. Формирование подобных «связей» происходит среди людей, у которых может быть общность идентификации, например общий диалект, фиктивное родство (люди с одинаковой фамилией), родство (ближайшие родственники), место работы. Вовлечённые могут создать свою социальную сеть с помощью гуаньси. Такая сеть позволяет облегчить взаимный обмен услугами. Гуаньси служили надёжной заменой слабым социальным институтам. Подобные связи существовали во всех слоях китайского общества и позволили китайскому правительству создать экономическую систему, в которой членам семей и друзьям чиновников и руководителей бизнеса предоставляются несправедливые преимущества в виде рабочих мест, кредитов, патентов. Это явление со временем получило название кумовской капитализм [Круглова, 2022. С. 82] [Рейтинг кумовского капитализма в КНР см. Comparing crony capitalism around the world // The Economist. URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2016/05/05/comparing-crony-capitalism-around-the-world> (access date: 18.08.2024).

Интерес, с нашей точки зрения, представляют имеющиеся попытки модернизировать имеющуюся модель государства развития с учётом особенностей китайской модели. Ключевой в этом направлении момент — констатация географической несоразмерности Китая и стран классической модели «государства развития»: Японии, Тайваня, Сингапура, Южной Кореи. Для последних была характерна высокая степень централизации бюрократического аппарата, национальная однородность политического пространства и тесный сплав государства и бизнеса. Китай же демонстрирует опыт реализации идеи государства развития в ситуации высокой географической протяжённости страны и региональной неоднородности социально-экономического пространства. Последнее обусловило, следуя ряду авторов, перенос центра тяжести в реализации задач государства развития на местные власти посредством создания соответствующих поведенческих стимулов для региональной бюрократии. С одной стороны, это наблюдение важно для характеристики китайских экономических реформ, с другой — существенно обогащает концепцию государства развития в её способности быть экстраполированной на современность.

Как среди западных, так и китайских авторов нет единого мнения о китайской модели государства развития. До сих пор стоит вопрос, применима ли вообще эта модель для описания экономической политики китайских властей. В то же время китайские авторы стали часто применять такие определения, как «новое государство развития» и «нео-развитие» или страна «пост-развития» [Huang, 2016] для описания китайской модели государства развития.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Бергер Я. (2009). Китайская модель развития [Berger J. (2009). The Chinese Development Model] // *Мировая экономика и международные отношения*. No. 9. С. 73–81. DOI:10.20542/0131-2227-2009-9-73-81.
- Григорьев Л.М., Жаронкина Д.В. (2024). Экономика Китая: тридцать лет обгоняющего развития [Grigoryev L., Zharonkina D. (2024). China's Economy: Thirty Years of Outpacing Development] // *Вестник международных организаций*. Т. 19. No. 1. С. 1–38. DOI:10.17323/1996-7845-2024-01-08.
- Караянис Н., Шерих М., Эльснер В. (2022). Особенности китайской модели «государства развития» [Karayannis N., Scherich M., Elsner W. (2022). Features of the Chinese model of the «developmental state»] // *Вопросы регулирования экономики*. Т. 13. No. 1. С. 6–19. DOI: 10.17835/2078-5429.2022.13.1.006-019.
- Круглова М.С. (2022). Синтез в экономической политике на примере банковского сектора Китая в период Нанкинского десятилетия (1928–1937). Роль неформальных связей [Kruglova M.S. (2022). Banking sector in China during the Nanjing decade (1928–1937) as an example of synthesis in economic policy. The role of informal ties] // *Terra Economicus*. Vol. 20. No. 4. С. 75–86. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-204-75-86.
- Amsden A. (1989). Asia's Next Giant-How Korea Competes in The World Economy // *Technology Review*. Vol. 92. No. 4. Pp. 46–53.
- Baek S.-W. (2005). Does China Follow the East Asian Development Model? // *Journal of Contemporary Asia*. Vol. 35. No. 4. Pp. 485–498.
- Bardhan P. (2010). The Paradigm of Capitalism under a Developmental State: Does It Fit and India? // *Singapore Economic Review*. Vol. 55. No. 2. Pp. 247–248.
- Beeson M. (2009). Developmental States in East Asia: A Comparison of the Japanese and Chinese Experiences // *Asian Perspective*. Vol. 33. No. 2. Pp. 5–39.
- Beeson M. (2010). East Asian Developmental states: Comparisons between China and Japan's Experiences // *Economic and Social System Comparisons*. No. 2. Pp. 69–76.
- Diegues A., Pereira A., Hiratuka C. (2023). Chinese Developmental State uniqueness: an interpretation based on productive development policies and the dynamics of institutional change Chinese Developmental State uniqueness: an interpretation based on productive development policies and the dynamics of institutional change // *2nd International Workshop on the Chinese Development Model*. Pp. 1–38.
- Evans P. (2014). The capability enhancing developmental state: concepts and national trajectories // *The South Korean Development Experience / E. Kim (ed.)*. — UK: Palgrave Macmillan.
- Evans P., Heller P. (2013). Human Development, State Transformation and the Politics of the Developmental State // *The Oxford Handbook of Transformations of the State*. — Oxford: Oxford University Press.
- Fewsmith J. (2011). Debating the China model // *China Leadership Monitor*. Vol. 35. No. 21. Pp. 1–7.
- Hofstede G., Bond M. (1988). The Confucius connection: From cultural roots to economic growth // *Organizational dynamics*. Vol. 16. No. 4. Pp. 5–21.

- Johnson C. (1982). *MITI and the Japanese miracle: the growth of industrial policy, 1925–1975*. — Stanford: Stanford University Press.
- Kalinowski T. (2015). Crisis management and the diversity of capitalism: fiscal stimulus packages and the East Asian [neo-] developmental state // *Economy and Society*. Vol. 44. No. 2. Pp. 244–270.
- Karagiannis N., Cherikh M., Elsner W. (2020). Growth and Development of China: A Developmental State «With Chinese Characteristics» // *Forum for Social Economics*. Vol. 50. No. 3. Pp. 257–275. DOI: 10.1080/07360932.2020.1747515.
- Kasahara S. (2013). *The Asian developmental state and the flying geese paradigm*. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/osgdp20133_en.pdf (access date 27.08.2024).
- Knight J. (2014). China as a developmental state // *The World Economy*. Vol. 37. No. 10. Pp. 1335–1347.
- Stubbs R. (2009). What ever happened to the east Asian Developmental State? The unfolding debate // *The Pacific Review*. Vol. 22. No.1. Pp. 1–22.
- Trubek D. (2008). Developmental states and the legal order: towards a new political economy of development and law // *Law & Development Review*. Vol. 25. No. 2. Pp. 2–105.
- Tsai K. (2004). Off Balance: The Unintended Consequences of Fiscal Federalism in China // *Journal of Chinese Political Science*. Vol. 9. No. 2. Pp. 1–26.
- Wade R. (1990). *Governing the market: Economic theory and the role of government in East Asian industrialization*. — Princeton: Princeton University Press.
- Wan M. (2014). *The China Model and Global Political Economy: Comparison, Impact, and Interaction*. — New York: Routledge.
- White G. (1984). Developmental States and Socialist Industrialisation in the Third World // *Journal of Development Studies*. Vol. 21. No. 1. Pp. 97–120.
- Yang H. (2018). China's Image from the Perspective of the Developmental State: What Kind of «Developmental State» is China? // *JCIR*. Vol. 6. No. 1. Pp. 95–116.
- Yu Z. (2008). *Fazhan xing guojia, [Developmental State]*. — Changchun: Jilin Chubanshe.
- Zhang F. (2017). The Chinese developmental state: standard accounts and new characteristics // *Journal of International Relations and Development*. Vol. 21. No. 2. Pp. 739–768. DOI:10.1057/s41268-017-0085-1.
- Zhu J. (2004). Local Developmental State and Order in China's Urban Development during Transition // *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 28. No. 2. Pp. 424–447.
- 查默斯·约翰逊 [Chalmers Johnson]. (2010). 通产省与日本奇迹—产业政策的成长 [1925—1975] [MITI and the Japanese Miracle—The Growth of Industrial Policy [1925-1975]]. — 金毅等译, 吉林出版集团有限责任公司 [Translated by Jin Yi et al., Jilin Publishing Group Co., Ltd.].
- 耿曙 [Geng Shu]. (2017). «发展型国家»模式与中国发展经验之辩 [The Debate on the «Developmental State» Model and China's Development Experience]. 澎湃新闻 [The Paper]. URL: https://m.thepaper.cn/newsDetail_forward_1619814 (access data: 27.08.2024)
- 黄宗昊 [Huang Zonghao] (2016). 中国模式与发展型国家理论 [The Chinese Model and the Theory of Developmental State] // 当代世界与社会主义 [The Contemporary World and Socialism]. No. 4. Pp. 166–174.
- 阮思余 [Ruan Siyu]. (2008). 從發展型國家走向民主社會主義國家? [From a developmental state to a democratic socialist state?] // 二十一世紀 [Twenty-first century]. Vol. 110. No. 12. Pp. 14–23.
- 唐世平 [Tang Shiping]. (2022). «新发展三角»: 国家能力、制度基础和社会经济政策 [The «new development triangle»: state capacity, institutional foundations, and socio-economic policies] // 世界政治研究 [World Politics Studies]. Vol. 15. No. 3. Pp. 1–34.
- 郁建兴、石德金 [Yu Jianxing, Shi Dejin]. (2008). 超越发展型国家与中国的国家转型 [Beyond the Developmental State and China's National Transformation] // 学术月刊 [Academic Monthly]. No. 4. Pp. 23–32.
- 郁建兴、高翔 [Yu Jianxing, Gao Xiang]. (2012). 地方发展型政府的行为逻辑及制度基础 [The behavioral logic and institutional basis of local developmental governments] // 中国社会科学 [Chinese social sciences]. No. 5. Pp. 206地方发展型政府的行为逻辑及制度基础207.
- 张宏远 [Zhang Hongyuan]. (2007). «发展型国家»理论的回顾及其在中国研究适用性之探讨 [A review of the «developmental state» theory and discussion of its applicability to Chinese research] // 东亚研究 [East Asian Studies]. No. 2. Pp. 86–121.
- 张汉 [Zhang Han]. (2014). 在变动中寻求国家、市场与社会 的 结 构 性 契 合 与 协 同——对发展型国家理论及中国模式的比较研究 [Seeking structural fit and synergy between the state, market and society in changes—a comparative study of developmental state theory and the Chinese model] // 经济社会体制比较 [Comparison of economic and social systems]. No. 3. Pp. 121–131.
- 周黎安 [Zhou Lian]. (2007). 中國地方官員的晉升錦標賽模式研究 [Research on promotion tournament model of local officials in China] // 經濟研究 [Economic studies]. No. 7. Pp. 36–50.

Мария Семеновна Круглова

mashakruglova999@gmail.com

Maria Kruglova

PhD (History), senior research fellow, Institute of Economics Russian Academy of Sciences, Moscow

mashakruglova999@gmail.com

CHINESE MODEL OF DEVELOPMENTAL STATE: A LITERATURE REVIEW

Abstract: The paper discusses the Chinese model of developmental state. The concept of the developmental state was a convenient theoretical framework for explaining the economic success of East Asian countries. It was considered that competent government intervention in the economy allowed Japan and South Korea to perform their “economic miracle”. China’s rapid economic growth began later, but this concept also began to be used to explain its achievements. However, there is still no consensus on the Chinese model in academic and political discourse. Western researchers believe that the Chinese model is generally indistinguishable from the Korean or Japanese model, and some differences from the average model are present in the development policies of each of these countries. Given the specifics of historical development, it is obvious that China differs significantly from other classic examples of East Asian developmental states. It has been suggested that China has gone beyond the concept of the developmental state and entered the “post-development” or “neo-development stage”. Chinese scholars, emphasizing that the main economic results in the PRC were achieved by local governments, not the central government, in turn insist on the “specialness” and complete dissimilarity of Chinese reforms to the policies of their neighbors. In the works of Chinese authors, the concepts of “local development government” and “development localism” are encountered. However, even the Chinese scientific community doesn’t show consensus on the distinctive features of the Chinese model. Doubts are often expressed about the explanatory power of the entire concept not only in relation to China, but also to other countries.

Keywords: *developmental state, Chinese development model, reforms, development policy.*

JEL: O20, P21.